

Религия и равенство

Законодательство о правах человека признает право на свободу вероисповедания и запрещает дискриминацию по признаку религиозных убеждений. Взаимодействие между правом на свободу вероисповедания и правом на защиту от дискриминации остается предметом пылких дискуссий.

Поскольку с течением времени становилось ясно, что сфера действия права на защиту от дискриминации охватывает более широкий диапазон признаков, чем считалось изначально, например, сексуальную ориентацию, религия все чаще приводится в качестве причины дискриминации. С другой стороны, религиозная ненависть и нетерпимость, похоже, усиливаются, и религиозный радикализм все чаще считается фактором, обуславливающим терроризм.

Equal Rights Trust обратился к двум экспертам, чтобы обсудить напряженность в отношениях между религией и законодательством о правах человека. Д-р Ахмед Шахид является специальным докладчиком по ситуации с правами человека в Исламской Республике Иран, а ранее дважды занимал пост министра иностранных дел Мальдивской Республики. Профессор Ева Бремс является экспертом в области законодательства о правах человека; ее недавнее исследование, целью которого было получение информации «из первых рук», посвящено укладу жизни женщин, которые носят никаб. Помимо других курсов, профессор Бремс преподает курс «Ислам и право» в Гентском университете, а д-р Шахид – в Эссекском университете.

Equal Rights Trust: Вы получили широкое признание как международный эксперт в области свободы религии, включая защиту от дискриминации. Почему Вы стали заниматься именно этим направлением?

Ахмед Шахид: Как это часто бывает, первыми жертвами радикального ислама являются сами мусульмане, особенно те, кто придерживается умеренных и толерантных взглядов. В колледже я изучал международные отношения и начал свою дипломатическую деятельность, когда умеренным взглядам, на которых я был воспитан в моей родной стране, на Мальдивах, стали противопоставляться более нетерпимые и фундаменталистские религиозные воззрения. Они стали широко обсуждаться, проникать в мальдивские го-

сучреждения, которые вскоре приняли довольно радикальную позицию с ориентацией на теократию и отказом выполнять требования гражданского общества, связанные с обеспечением прозрачности, равенства, верховенства закона и терпимости к инакомыслию.

Это заставило меня и нескольких моих единомышленников – ученых, правозащитников и политических активистов – провести кампанию с призывом к более эффективному обеспечению прав человека и защиты от непредсказуемых и дискриминационных методов работы государственных учреждений Мальдив. Главными вопросами, требовавшими внимания, и которые продолжают существовать в моей стране и являются предметом моей работы как правозащитника, являются свобода вероисповедания и ее связь с гражданскими, политическими и социальными правами, а также ее влияние на гендерное равенство.

Ахмед Шахид

Благодаря опыту, который я приобрел, будучи студентом, правительственным чиновником, дипломатом, активистом гражданского общества, преподавателем и экспертом ООН за многие годы, мне удалось изучить связь между религией и правами человека с разных точек зрения. За эти годы я понял, что происходящее в моей стране является частью более широкого глобального явления, которое требует международного внимания и действий, а также национальных обсуждений и решений. Именно поэтому в сотрудничестве с такой организацией, как Universal Rights Group – аналитическим центром, расположенным в Женеве – я изучаю целый ряд вопросов в области прав человека, включая свободу вероисповедания как одну из первоочередных проблем.¹

Ева Бремс: Я считаю себя экспертом широкого профиля в сфере законодательства о правах человека. Сначала я изучала универсальность и разнообразие прав человека, уделяя особое внимание культурным и религиозным проблемам, чтобы внести свой вклад в формирование всеобъемлющей концепции прав человека в международных отношениях. Затем меня стало интересовать, как эту всеобъемлющую идею можно применить на национальном уровне в мультикультурном контексте, и когда в начале

Ева Бремс: Я считаю себя экспертом широкого профиля в сфере законодательства о правах человека. Сначала я изучала универсальность и разнообразие прав человека, уделяя особое внимание культурным и религиозным проблемам, чтобы внести свой вклад в формирование всеобъемлющей концепции прав человека в международных отношениях. Затем меня стало интересовать, как эту всеобъемлющую идею можно применить на национальном уровне в мультикультурном контексте, и когда в начале

1 Подробнее о Universal Rights Group читайте на <http://www.universal-rights.org>.

1990-х годов такие проблемы, как запрет на ношение хиджаба распространился из Франции в Бельгию, я ощутила необходимость реагирования на проблемы в области прав человека в моем окружении. Совсем недавно внезапною политическую динамику получил вопрос запрета на ношение никаба, и это мне показалось интересным для изучения. Эти и другие проблемы требуют дополнительного исследования с точки зрения прав человека.

Equal Rights Trust: Между свободой вероисповедания и правами на равенство и защиту от дискриминации существует сложная взаимосвязь. Как Вы оцениваете связь между этими правами?

Ева Бремс

Ева Бремс: Существует не одна, а много связей, и иногда я думаю, что это разные формулировки одного и того же вопроса: можно сформулировать проблему как свободу вероисповедания, но также ее можно подать и как защиту от дискриминации. Это особенно касается религий меньшинства.

Возьмем, например, урегулирование вопроса свободы вероисповедания на рабочем месте. В зависимости от нормативно-правовой структуры этот вопрос может быть подан с точки зрения дискриминации по признаку религии или как нарушение свободы вероисповедания. Другой вопрос касается противоречивых прав, существующих между свободой вероисповедания, с одной стороны, и дискриминацией, с другой стороны, например, когда дискриминация имеет место внутри организации какой-либо религии, или когда дискриминация возникает на почве религиозных верований. В последнее время эта проблема привлекает к себе значительное внимание, как в случаях сознательных противников однополых браков.

Значительная часть моих исследований была посвящена конфликтам в области прав человека, а не только в сфере религии и дискриминации. На данный момент в международном законодательстве о правах человека и даже в конституционном праве не существует никакой четкой методологии для решения проблемы конфликтов. Эти вопросы решаются по-разному в каждом конкретном случае. Например, Европейский суд по правам человека иногда получает просьбы о предоставлении широкой свободы усмотрения государствам, когда они отдают предпочтение какому-то одному праву. С другой стороны, этот же суд получает требования не предоставлять государствам такое право, и настаивающие на том, что иски, касающиеся борьбы с дискриминацией,

должны иметь больший вес, чем иски о свободе исповедания. В целом, невозможно определить, что какой-то иск имеет больший вес, особенно если требование свободы исповедания может быть оформлено как требование защиты от дискриминации.

Это важные и существенные проблемы, которые необходимо решать, поскольку они зачастую вызывают острые противоречия в обществе. В этом направлении нужно проделать огромный объем работы, и я думаю, мы обязаны ее выполнить, не допустив ощущения произвола при решении этих вопросов. С юридической точки зрения, было бы намного лучше, если бы удалось достичь согласия по поводу четкого подхода к решению этих вопросов.

Ахмед Шахид: Международное право в области прав человека подтверждает важность равенства и недопущения дискриминации при применении правовой защиты прав человека. Однако закон содержит очень мало указаний для устранения напряженности в отношениях между определенными правами, когда их осуществление вступает в противоречие с защитой других прав. Это особенно заметно, когда право на вероисповедание используется для оправдания нарушений прав на выражение мнений, собраний или ассоциаций, или для закрепления дискриминационных приемов в отношении женщин, девочек, религиозных и этнических меньшинств, а также членов сообщества ЛГБТ.

Таким образом, снижение напряженности между индивидуальными и общими правами на отправление ритуалов и обрядов и интересом в усилении защиты от патриархальных взглядов и традиций, подрывающих основы равенства и недопущения дискриминации, несомненно, является одной из самых сложных задач, с которыми сталкивается современное движение в области прав человека.

Возможно, в процессе урегулирования противоречий между принципами равенства, свободы вероисповедания и защиты от дискриминации, в первую очередь, необходимо бросить все усилия на то, чтобы понять весь потенциал конфликта, а также следует нацелиться на разработку стратегий для установления тонкого баланса между мнением сторон, которые хотят сохранить определенные традиции, и теми, кто стремится к защите от дискриминации и неравенства таких традиций и обрядов.

Equal Rights Trust: Считаете ли Вы, что вероисповедание как признак дискриминации следует рассматривать отдельно от других признаков?

Ахмед Шахид: Международная теория права² запрещает законы и методы, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления всех прав всеми лицами на равных основаниях. Это включает в себя законы и методы, которые предположительно уходят своими корнями в культурные

2 Комитет по правам человека, Замечание общего порядка №22, документ ООН CCPR/C/21/Пересм.1/Доп.4, 1993 г.

традиции или религиозные убеждения. Проблемами этой концепции часто бывают глубоко укоренившиеся убеждения и экзистенциальные взгляды, которые дают людям смысл жизни, или которые помогают им найти свое место и понять суть мироустройства, и поэтому они более устойчивы к внешним требованиям перемен.

Законы о равенстве направлены на борьбу с дискриминацией и существуют в рамках более широкой системы мер, предназначенных для устранения глубоко укоренившихся социальных и экономических недостатков, связанных с гендером или принадлежностью к определенной группе. Освобождение религиозных групп от действия антидискриминационных законов может способствовать усилению приемлемости стереотипов, дискриминации или неравенства и может свести на нет намерения законодательства о равенстве. Поэтому религиозные организации не должны полностью освобождаться от юридической ответственности, касающейся основных прав на защиту от дискриминации.

Конечно, вопрос заключается в том, как сбалансировать права религиозных людей или групп и права других лиц на равенство и защиту от дискриминации. Условие пропорциональности может предоставить некоторые ориентиры для введения антидискриминационных законов или норм, продвигающих гендерную проблематику.

Ограничения, налагаемые на вероисповедание, должны быть прописаны в законе, служить законной цели и быть соразмерными ей. Очевидно, что, хотя отступление от этого права и допускается, оно истолковывается более узко, чем другие отменяемые права, в том смысле, что национальная безопасность не предусмотрена как основание для отступления; и права других лиц, которые могут претендовать на защиту от свободы вероисповедания, являются их «фундаментальными» правами. Это не относится к допустимым ограничениям, например, касательно Статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП).

Религии, как правило, делают универсалистские заявления, а доминирующие религии зачастую переплетаются с политическими структурами государств и могут пользоваться особыми привилегиями в конституции как официальные или государственные религии, что, в свою очередь, может отрицательно сказываться на осуществлении прав религиозными меньшинствами. Точно так же, когда государство остерегается открывать всеобщий доступ к любой религии или всем религиям, есть риск развития скрытой дискриминации. Несмотря на то, что формирующаяся концепция «разумного приспособления» могла бы помочь разрешить отдельные сложные ситуации между интересами большинства и меньшинства, эту концепцию точно невозможно использовать для оправдания нарушения таких прав человека, как гендерное равенство или право на жизнь или защиту от пыток или от других вредных обычаев.

Ева Бремс: Не все признаки дискриминации рассматриваются одинаково. Наглядным примером тому служат квоты, применяемые во многих государствах. В некоторых странах существуют определенные гендерные квоты, а квоты, касающиеся других

признаков дискриминации, например, этнической принадлежности или инвалидности, вообще не рассматриваются. На уровне национального антидискриминационного законодательства существует обязательство обеспечивать разумное приспособление для людей с ограниченными возможностями, однако оно не относится к некоторым другим группам, защищенным законами о борьбе с дискриминацией. Это различие в подходе к признакам дискриминации может быть оправдано разницей между лежащими в его основе реалиями. Тем не менее, я лично за использование понятия разумного приспособления в отношении признака вероисповедания, если свобода исповедания своей религии является правом человека при минимальном ограничении отправления религиозных обрядов.

Equal Rights Trust: Дискриминация по признаку вероисповедания продолжает оставаться предметом широких общественных дискуссий. Каким, по Вашему мнению, является общественное восприятие религиозной дискриминации в Вашей стране или в стране, с которой Вы хорошо знакомы? Считаете ли Вы, что религиозная ненависть возрастает?

Ева Бремс: Несмотря на то, что основной религией в Бельгии является католицизм, верующих стало мало, и религия больше не является важной частью жизни большинства людей. Все чаще религиозным аргументам уделяется мало внимания как со стороны общественности, так и со стороны государства. Несмотря на то, что это не дискриминация как таковая, но данное явление связано с негативными стереотипами. Например, средства массовой информации очень критичны в адрес представителей религии большинства, например, епископов.

Исламофобия также достигла тревожного уровня; общественное мнение стало оправдывать отрицательное отношение к исламу, особенно после трагедии 11 сентября и других терактов, а также в результате распространения идей ИГИЛа, ведь каждое из этих событий и явлений выставляет ислам в негативном свете. Я не знаю, набирает ли религиозная неприязнь новые обороты или является новым воплощением того, что мы привыкли называть расизмом. Раньше в бельгийском обществе существовала неприязнь к людям марокканского происхождения, а теперь она оформлена по-другому и считается неприязнью к мусульманам. Наблюдается особенно высокая степень нетерпимости и агрессии на видимые проявления ислама, чего нет в отношении других религиозных меньшинств или религий в целом. Если какой-либо школе приходится вводить в питание учеников халяльные продукты, иногда это вызывает возмущение родителей, не являющихся мусульманами, в некоторых ресторанах отказываются обслуживать женщин в хиджабах, а люди сторонятся тех, кто похож на мусульман. Эти реакции, основанные частично на ассоциациях, связанных с фундаментализмом и терроризмом, создали неприятную атмосферу.

Ахмед Шахид: Уважение и терпимость к разным религиям в Иране, стране, с которой я хорошо знаком, объясняется долгой историей религиозного разнообразия и признанием ряда доисламских религий. При этом Иран, как и большинство других многокультурных обществ, пытается преодолеть религиозную дискриминацию.

Конституция Ирана, возможно, в какой-то степени уникальная для этой страны, определяет ислам официальной религией и далее устанавливает, что из других религий только зороастризм, иудаизм и христианство признаются государством. Следовательно, иранцы имеют иерархию, которая, по сути, обеспечивает преференциальное отношение к последователям официальной религии страны и отменяет или ограничивает возможность для приверженцев признанных и непризнанных конфессий на равных с другими осуществлять широкий спектр гражданских, политических, социальных, культурных и экономических прав.

Трудно сказать, насколько глубоко иранское общество в целом может осознавать дискриминационные предписания, лежащие в основе этой иерархии. Тем не менее, следует отметить, что продолжающееся преследование и дискриминация представителей признанных и непризнанных религий в Иране, например, бахаи, особенно сильно укоренились в ряде иранских законов и норм и усиливаются действиями правительства. Эти методы приводят к преследованию людей, вновь обращенных из ислама в христианство, чему имеется большое количество документальных свидетельств, произвольным арестам, задержаниям, судебным преследованиям и дискриминации последователей верования бахаи в учебных учреждениях и на рабочем месте, однако такие действия не столько многочисленны в частном секторе.

Equal Rights Trust: Гендерное равенство и свобода вероисповедания взаимодействуют в двух точках: с одной стороны, стереотипные гендерные роли иногда отстаивают по причине религиозных убеждений; с другой стороны, восприятие женщин по их религии или убеждениям также может приводить к интерсекциональной дискриминации. Что Вы думаете о взаимосвязи между вероисповеданием, гендером и равенством?

Ева Бремс: Я думаю, что будет некоторым преуменьшением думать, что дискриминация практикуется в религиозных организациях, и она является признаком религиозного права, применяемого во многих государствах. Например, что касается католической церкви, женщины как группа исключены из центральных функций этой организации. В Нидерландах существует религиозная политическая партия Staatkundig Gereformeerde Partij (партия SGP), которая не выдвигает женщин кандидатами на выборах из религиозных соображений. Во многих европейских странах религиозное право применяется формально и неформально, и в некоторых случаях формальные правила могут быть настолько дискриминационными, что женщины не получают равных с мужчинами прав, например, в связи с наследством и возможностью развода.

Важно помнить, что достижение гендерного равенства всегда является культурной проблемой. Необходимо выжить патриархат из законодательства, из умов людей и из укоренившейся практики – нужно осознать культурные изменения. Религия может рассматриваться как часть культуры, но представляет собой очень сложную проблему из-за того, что она, как она институционально и формально организована, тогда как многие культурные традиции и представления являются неписаными и охраняются людьми, функция которых заключается в защите ортодоксальности. В то же время та-

кие случаи не следует переоценивать – мы не должны переносить дискриминационные намерения на обычаи меньшинства, что довольно часто происходит в настоящее время. Я нередко слышу от мусульманских женщин и девочек выражение разочарования мнения окружающих о том, что, поскольку мусульманки носят религиозную одежду, это означает, что они принимают или даже поощряют подчиненное положение женщин. Их мнение представляет большую ценность, и мы должны прислушаться к нему, чтобы женщины и девочки и другие уязвимые группы имели все необходимые им права и возможности, и чтобы их принимали всерьез.

Ахмед Шахид: Ключевой конфликт между защитой от дискриминации и свободой вероисповедания относится к дискриминации по признаку гендера и роли женщин и девочек в религиозных убеждениях и общинах. Патриархальные взгляды, лежащие в основе религиозных рассуждений, часто используются для оправдания гендерной иерархии или нарушения ряда других прав девочек и женщин, включая право на физическую неприкосновенность. Точно так же, гомофобные взгляды могут продвигаться на базе религиозных убеждений и на основании прав, предусмотренных свободой вероисповедания, могут укреплять дискриминацию или нарушать права других людей.

Но выдвигается ли требование на основании права на свободу вероисповедания или из соображений культурного релятивизма, если оно мешает равному осуществлению всех прав человека или вредит любому из них, такое требование вообще не имеет легитимности. Права женщин часто становятся магнитом для религиозных оговорок, громоотводом среди которых являются равные права в браке и при разводе. Еще более мощное религиозное сопротивление наблюдается в связи с признанием возможности представителей сообщества ЛГБТИ на равное осуществление всех прав человека. Но доктрина прав человека должна обеспечить равное уважение и защиту для всех, если мы не хотим, чтобы она превратилась в пристанище избранных или инструмент тиранического большинства.

Аналогичным образом, нарушения, основанные на стереотипах в отношении женщин из-за их религии или убеждений, непропорционально затрагивают женщин из религиозных меньшинств. Эти женщины часто составляют наиболее уязвимые группы в своих сообществах и страдают от множественной или интерсекциональной дискриминации или других форм нарушения прав человека как со стороны приверженцев их веры, так и со стороны тех, кто не является ее последователями. Как результат, инициативы, призванные содействовать обеспечению гендерного равенства и защите прав женщин, могут игнорировать интересы целых групп.

Поэтому меры, принимаемые для борьбы с религиозной дискриминацией, должны основываться на целостном подходе к пониманию источников дискриминации и уделять особое внимание всеохватности, чтобы не допускать исключения этих женщин из инициатив, направленных на продвижение и защиту прав человека, по разным признакам из-за очень стереотипного восприятия, которому такие инициативы призваны противостоять, и которое они должны искоренять.

Equal Rights Trust: Недавнее решение Европейского суда по правам человека в деле *С.А.С. против Франции* о том, что запрет ношения во Франции никаба, закрывающего все лицо, не составляет нарушение свободы вероисповедания, подверглось критике со стороны ряда общественных организаций. Вы знакомы с этим делом и его обсуждением? Если да, то каково Ваше мнение? Как Вы считаете, какие принципы должны определять решения по делам, связанным с ношением религиозной одежды?

Ахмед Шахид: Хотя Комитет по правам человека не выразил общего мнения о запрете ношения никаба, закрывающего все лицо, европейская практика в этой связи очевидна: 45 из 47 стран не налагают полный запрет на ношение никаба. Поэтому в данном случае постановление Суда, похоже, предоставило французским властям широкую свободу усмотрения. Решение суда основывалось на том, какое влияние на права других лиц могут иметь обычаи меньшинства, а именно ношение никаба; рассматриваемые права были соотнесены с основными правилами социальной коммуникации во французском обществе, связанными с требованиями совместного сосуществования, и с негативными последствиями сокрытия лица в общественных местах для этих требований. Негативное влияние на жизненное пространство было сочтено наносящим ущерб общественному порядку и, следовательно, соотнесено с законной целью поддержания демократического общества, в котором совместное проживание имеет большое значение для выражения плюрализма, терпимости и широты взглядов.

Вопрос о том, был ли запрет соразмерным цели, особенно в части ограничения прав лиц, которых он затронул, а также их потенциальной изоляции, на мой взгляд, Суд отставил в сторону, сославшись на свою обязанность проявлять сдержанность в случаях, когда применима свобода усмотрения. Как видно из основания вынесенного решения, некоторые из ценностей, ради сохранения которых, собственно, и был наложен запрет – плюрализм, толерантность, сосуществование – на самом деле, могут быть ослаблены запретом на ношение никаба. По сути, совместное, частично несовпадающее мнение судей Нуссбергер и Жадерблом выдвигает на первый план ряд этих вопросов, в т. ч. вопрос о том, можно ли ссылаться на концепцию сосуществования как на законную цель в соответствии с Конвенцией.

Ева Бремс: Я очень хорошо знакома с этим делом, причем Центр по правам человека Гентского университета выступил в нем в роли третьей стороны. Также я долгое время работала над проблемой ношения никаба в Бельгии и во Франции, опрашивая женщин, которые его носят или носили, чтобы можно было использовать точку зрения этих женщин в обсуждениях. К сожалению, их мнение было практически проигнорировано на национальном уровне.

В целом, это плохое решение, хотя оно и имело несколько достоинств. Из положительного следует отметить, что Суд отклонил два из трех доводов, чтобы оправдать этот радикальный запрет на ношение никаба. Во-первых, он отклонил довод о безопасности, базировавшийся на соразмерности, и, во-вторых, довод о гендерном равенстве был

отклонен очень аккуратно и утонченно. Последнее особенно важно, если учесть, что французский и бельгийский конституционные суды с готовностью приняли доводы о безопасности и гендерном равенстве на основе теоретических положений и непроверенных допущений, невзирая на доказательства. Доказательное обоснование имеет большое значение для выполнения точных оценок, чтобы не просто сказать, что все дело в подчиненном положении женщин, но и установить мотивы и последствия.

Тем не менее, решение является проблематичным в том смысле, что оно признает, что свобода вероисповедания может быть ограничена на законном основании в погоне за недавно изобретенной «целью» *le vivre ensemble* (сосуществования). Это очень проблематичная концепция, и не нужно делать детальный разбор, чтобы понять, какие последствия она будет иметь. Понятие *le vivre ensemble* позволяет доминирующим группам требовать контроля над всей общественной сферой и использовать уголовное право для запрета вещей, которые кажутся им странными, и которые вызывают у этих групп дискомфорт. Поэтому я думаю, что это понятие является прикрытием для предрассудков большинства.

Европейский суд по правам человека или, по сути, любой другой суд, рассматривающий эти вопросы, не должен отвлекаться на это понятие; ему следует смотреть глубже и использовать критический подход, разбирая столь проблемные понятия. Судам следует не просто принимать и использовать всю философскую риторику, а проверять, соответствует ли ограничение реальной потребности, какова эта потребность, какой должна быть реакция, и имеется ли менее ограничительная альтернатива. Необходимо достойное доказательное обоснование, которого не хватает в судебном решении касательно *le vivre ensemble*.

Equal Rights Trust: Вот еще один связанный с этим вопрос. Религиозная символика была предметом нескольких дел, рассматривавшихся в Европейском суде по правам человека. Считаете ли Вы, что суд принял сбалансированный подход? Насколько широкой должна быть свобода усмотрения государств при ограничении такой символики?

Ева Бремс: Во-первых, неясно, что представляет собой религиозный символ, особенно когда речь идет о человеке, который носит что-то вроде распятия или головные платки. Для человека это может означать одно, а в глазах окружающих это становится символом. В случаях религиозных символов свобода усмотрения в принципе является оправданной. Истории государств-членов очень сильно разнятся с точки зрения отношений между церковью и государством. Меня ничего особо не беспокоит в исходе дела Лаутси против Италии, в котором Большая палата Европейского суда постановила, что распятия могут устанавливаться в классных комнатах государственных школ. Однако у меня есть кое-какие сомнения по поводу процедуры, поскольку есть четкие свидетельства того, что суд поддался давлению извне. Кроме того, я нахожу проблему в обосновании вынесенного решения; сложно постичь решение по поводу головных платков в свете практики суда, и поэтому можно утверждать, что религии большинства и меньшинства не получили равное обращение со стороны суда.

Я считаю, что, когда речь идет о свободе усмотрения государства, очень важно установить тип вреда. На мой взгляд, вред, который наносится человеку, столкнувшемуся с символом религии другого человека, намного меньше, чем вред, наносимый кому-то, кто не имеет возможности соблюдать свои религиозные традиции и обряды по той причине, что окружающие усматривают в этом проблематичную символику.

Ахмед Шахид: Считается, что религиозная символика относится к *forum externum*, т. е. внешнему проявлению религии, а не к *forum internum* – внутренним убеждениям, поэтому она подлежит ограничению по указанным основаниям, представляющим общественный интерес. Это связано как с позитивным правом на свободу вероисповедания (свободы ношения или добровольной демонстрации религиозных символов), так и с негативным правом на свободу вероисповедания (правом на защиту от принуждения к ношению или демонстрации религиозных символов). На практике это оказалось спорным, поскольку не удалось достичь четкого консенсуса по поводу того, где провести черту, и общий подход заключается в том, что спорные дела лучше всего разрешаются при условии принятия во внимание их обстоятельств в каждом конкретном случае.

Кроме того, учитывая большое разнообразие, даже в европейском контексте, не только в связи между религией и государством, но и в отношении общества к религии, во времени и пространстве, становится очевидным отсутствие консенсуса по поводу конкретных границ между религиозной символикой и общественным интересом, если не считать определенные основные стандарты, которые разъяснены на общем уровне различными международными судебными и квазисудебными органами. Применение доктрины свободы усмотрения под надзором Европейского суда признает необходимость придания особого значения внутренним нормотворцам в вопросах общей политики, где мнения сильно разнятся, если говорить о демократическом обществе.

Тем не менее, отношение Европейского суда к религиозной символике вызвало целый ряд противоречий касательно свободы усмотрения, которая была предоставлена государствам в связи с религиозной символикой. Разногласия возникли там, где была принята идея о том, что государство должно быть нейтральным и воздерживаться от ассоциации с какой-либо религией. Возможно, больше противоречий возникло после принятия идеи о том, что границы могли быть проведены не с учетом явных фактов, а с учетом кажущихся спекуляций относительно причин, значения и последствий ношения определенных религиозных символов. Часто мы слышим аргумент о том, что ограничение ношения определенных видов религиозной символики является оправданной необходимостью для защиты населения от религиозного фанатизма. Здесь я склонен согласиться с утверждением судьи Тьюлкенс по делу *Сахин против Турции*, в котором она заявила, что «лучшим средством предотвращения и борьбы с фанатизмом и экстремизмом является защита прав человека».³

3 *Лейла Сахин против Турции*, Заявление №44774/98, 10 ноября 2005 г., Особое мнение судьи Тьюлкенс, п. 20.

С точки зрения того, какой должна быть свобода усмотрения государств, разумное решение предложила г-жа Асма Джахангир, Специальный докладчик ООН по вопросу о свободе религии или убеждений. Она назвала ряд отягчающих и нейтральных показателей для оценки легитимности ограничения демонстрации религиозных символов. Первые включают в себя действия, которые, как правило, несовместимы с нормами международного права в области прав человека, например, когда исключения из запрета на ношение религиозных символов адаптируются к преобладающей или действующей религии или убеждениям. Нейтральные показатели указывают на то, что ограничение было необходимым для защиты прав женщин, религиозных меньшинств и уязвимых групп, или что лицо, которое демонстрирует религиозную символику, должно быть идентифицировано для законной цели, например, на фотографии в удостоверении личности или при проверке в зонах досмотра аэропортов. В противоположность этому, мера не считается нейтральной, если ограничение налагается без учета специфических особенностей рассматриваемых религий или убеждений.

Equal Rights Trust: Нынешний докладчик по вопросу о свободе религии и убеждений заявила: «трудно, если не невозможно, вообразить себе применение концепции официальной религии, которая на практике не имеет отрицательного воздействия на религиозные меньшинства и не дискриминирует их представителей».⁴ Вы с этим согласны?

Ахмед Шахид: Я согласен с этим утверждением. Отрицательные последствия для прав религиозных меньшинств в случаях, когда конкретная религия или религии возводятся в официальный статус, представляют собой серьезные проблемы для продвижения идеи соблюдения прав религиозных меньшинств. Возможно, эти последствия являются наиболее глубокими, когда постулаты той или иной религии становятся основой нормативно-правовой структуры государства, или когда она используется для определения гражданства. Несмотря на явные негативные последствия установления государством определенной религии в качестве своей официальной религии, международное право не требует, чтобы страны воздерживались от подобной практики. Комитет по правам человека в Замечании общего порядка №22 разъясняет, что государство не должно ни юридически, ни фактически допускать дискриминацию в отношении религиозных меньшинств. Таким образом, правила и методы, которые устанавливают право на получение работы на государственной службе только для приверженцев доминирующей религии, предоставляют им экономические привилегии или налагают особые ограничения на отправление других религий, являются нарушением запрета на дискриминацию.⁵

4 Управление Верховного комиссара по правам человека, «Заявление Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений, Хайнер Билефельдт на XIX сессии Совета по правам человека», 5 марта 2012 г., доступно по адресу: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=11934&LangID=E#sthash.6tib22u0.dpuf>

5 Комитет по правам человека, *Замечание общего порядка №22*, документ ООН ССРР/С/21/Пересм.1/Доп.4, 1993 г., п. 9.

Также международные стандарты предоставляют религиозным меньшинствам и другие конкретные гарантии, например, те, которые предусмотрены в Статьях 20 и 27 МПГПП. Кроме того, как было заявлено Комитетом по правам человека, если государство ссылается на защиту общественной морали в качестве основания для ограничения демонстрации религии или убеждений, эти проблемы не могут основываться лишь на принципах, вытекающих исключительно из одной религиозной традиции. Принцип разумного приспособления может оказаться полезным инструментом в улучшении положения религиозных меньшинств, когда возникают конфликты прав, но опять же на практике, если конкретная религия получает статус официальной религии, кроме случаев, когда она имеет только символическое значение, меньшинства подвергаются скрытой и/или открытой дискриминации разной интенсивности.

Ева Бремс: Я согласна с этим утверждением, но его следует перефразировать, чтобы подчеркнуть, что наличие государственной религии является приемлемым с точки зрения структуры прав человека. Эта структура необходима, когда между государством и официальными религиями возникают проблемы касательно религиозной свободы и равенства. Если в государстве есть официальная религия, оно имеет определенные обязанности в связи со свободой вероисповедания и равным отношением к религиозным меньшинствам и неверующим. Такая адаптация данного заявления позволяет включить в него важный нюанс.

Equal Rights Trust: Что Вы думаете о религиозных школах? Считаете ли Вы, что существование таких школ в рамках школьной системы носит дискриминационный характер, или его можно оправдать?

Ева Бремс: Религиозные школы могут быть оправданы с точки зрения прав человека на основании свободы образования и свободы вероисповедания. Свобода образования включает в себя право не только быть потребителем образования, но и организовывать образование, как коллективное право, а свобода вероисповедания также предусматривает право преподавать религиозные постулаты. Нет ничего плохого в том, что государство признает и содействует этому, равно как и в установлении условий для учебных программ, если это не порождает дискриминацию в отношении различных религий и нерелигиозных школ.

Религиозным школам иногда трудно принимать детей, являющихся последователями разных религий, так как в определенных контекстах это может мешать праву на организацию религиозного образования. На деле многие школы, особенно те, которые исповедуют религию большинства, принимают детей из всех религий и многих неверующих, хотя и не обязаны это делать. Школы религиозных меньшинств больше теряют, когда их обязывают принимать неверующих, поскольку задача сохранения религиозной направленности школы может оказаться чрезвычайно сложной. Однако это может быть полностью оправдано, например, когда школы предлагают определенную учебную программу, которая недоступна в другой школе или в регионе. В этих случаях право отдельного ребенка на доступ к образованию по собственному выбору

подвергается большему риску, нежели коллективное право при наличии обязанности принимать определенное количество учеников.

Особенно ценными являются школы, которые обеспечивают нейтральное знакомство с другими религиями. Государства, которые вводят учебные программы, рассказывающие детям обо всех религиях, продвигают терпимость и взаимопонимание в обществе и соблюдают свободу вероисповедания. В Бельгии за государственными школами закреплено конституционное право обучать учеников любой признанной религии, т. е. мусульмане ходят на уроки ислама, католики изучают католицизм, протестанты – протестантизм, а неверующие посещают специальные уроки этики и т. д., следовательно, в этой системе, где нет взаимного диалога, дети утрачивают возможность познакомиться с верованиями друг друга.

Ахмед Шахид: Декларация ООН от 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений четко заявляет, что каждый ребенок:

[И]меет право на доступ к образованию в области религии или убеждений в соответствии с желаниями его родителей или, в соответствующих случаях, законных опекунов и не принуждается к обучению в области религии или убеждений вопреки желаниям его родителей или законных опекунов, причем руководящим принципом являются интересы ребенка.⁶

Религиозные школы выполняют важную функцию в распространении основанных на религии идей, ценностей, ритуалов, обрядов и традиций, а также в продвижении терпимости и уважения к разнообразию. Религия, безусловно, играет огромную роль в жизни многих людей и часто рассматривается как средство обеспечения нравственных ориентиров и этических понятий. Также религиозные школы выполняют функцию реализации охраняемого на международном уровне права на преподавание другим своих религиозных идей и ценностей и дают родителям возможность обучать своих детей религии или убеждениям по их выбору, при этом руководящим принципом являются интересы ребенка.

Здесь опять же наблюдается позитивное право в том, что каждый ребенок имеет право на доступ к образованию в области религии или убеждений в соответствии с желаниями его родителей; но есть и негативное право на защиту от принуждения к обучению религии или убеждениям вопреки желаниям родителей или законных опекунов ребенка. Позитивное право необязательно означает, что такие школы должны финансироваться государством. Но если всеобщее образование предусматривает обучение той или иной религии или убеждениям, должны быть приняты меры для предотвращающих дискриминацию исключений или альтернатив, которые позволяют выполнить пожелания родителей и опекунов. Тем не менее, нет ни-

6 Статья 5(2).

какого конфликта с негативным правом, если школьное обучение таким предметам, как общая история религии и этики, ведется в нейтральном и объективном ключе. На самом деле, государственное образование, которое обеспечивает нейтральное знакомство с разными религиями, имеет решающее значение для повышения уровня понимания, терпимости и взаимного уважения, а также для борьбы с предрассудками и стереотипами.

Однако если учебные программы и другие нормы и методы, используемые в конфессиональных школах, не интегрированы в структуру прав человека, они могут подрывать универсальность и неделимость прав человека и способствовать дискриминации и разделению общества. Как и в случае любого другого права человека, введение в действие права на свободу вероисповедания должно сопровождаться приверженностью комплексным нормам в области прав человека, равенства, защиты от дискриминации, вовлеченности и прозрачности.

Equal Rights Trust: Считаете ли Вы, что ограничения проявления свободы вероисповедания, которые предусмотрены международным законодательством о правах человека, позволяют применение дискриминационных мер в отношении религиозных меньшинств?

Ева Бремс: В самих стандартах нет никаких существенных проблем; они сформулированы эффективным классическим способом. Однако их толкование может быть проблематичным. Когда право становится менее популярным, как свобода вероисповедания, наблюдается тенденция к увеличению объема ограничений, а для этого может потребоваться изменение мышления органов и отдельных лиц, интерпретирующих право. Если Европейская конвенция в качестве руководства не используется, часто звучат аргументы о том, что исповедание религии в общественных местах вообще не является частью религиозной свободы, а в публичных дебатах имеет место сильное отрицание того, что такие элементы, как одежда, ношение которой не предписывается религией, являются религиозными. Я была членом парламента, когда проводилось голосование по запрету никаба, и увидела в дебатах полное отрицание того, что вопрос имеет отношение к религии.

Ахмед Шахид: Хотя среди дел, которые находятся на рассмотрении в судах, преобладающими могут показаться дела о нарушениях свободы вероисповедания меньшинств, не следует забывать, что эти ограничения обеспечивают защиту основных прав других лиц, когда религиозные традиции и обряды могут противоречить правам человека. Цель этих ограничений точно не состоит в том, чтобы отдать предпочтение доминирующим религиозным взглядам или принести в жертву права религиозных меньшинств. Эти ограничения нужно истолковывать узко, чтобы они могли служить законной цели в демократическом обществе и были соразмерными ее достижению. Кроме того, эти ограничения не могут использоваться для ущемления прав на свободу вероисповедания в любом ее значении. На самом деле, учитывая предъявляемые многими религиями универсалистские претензии и патриархаль-

ные традиции в ряде из них, данные ограничения выполняют позитивную функцию поддержания других прав человека, например, на гендерное равенство. Как заметил Хайнер Билефельдт, при наличии доброй воли всех сторон принцип разумного приспособления является перспективным инструментом разрешения особо сложных дел. На мой взгляд, допустимые ограничения религиозных проявлений сами по себе не позволяют применение дискриминационных мер, и увеличивающаяся судебная практика, по всей видимости, углубляет наше понимание границ допустимых ограничений. Не вызывает сомнений то, что свобода религии остается, как заметил Манфред Новак, самым спорным правом человека, взаимодействующим с другими правами человека. Допустимые ограничения обеспечивают инструменты для обсуждения этого взаимодействия.

Equal Rights Trust: Считаете ли Вы, что недавний Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, будет ценным средством в борьбе с религиозной дискриминацией?

Ахмед Шахид: Рабатский план действий является уникальным и важным достижением, поскольку он предлагает государствам руководство по сложной взаимосвязи между свободой выражения мнений и защитой от подстрекательства. На самом деле, он знаменует собой уникальную веху в переносе дискуссии о диффамации религий с защиты религий к защите людей, о чем свидетельствует консенсус, достигнутый в Резолюции 16/18 от 2011 г., и предоставляет возможность ввода в действие Статьи 20 МПГПП.⁷ Несмотря на то, что основное внимание в Планах действий уделяется взаимосвязи между свободой выражения мнений и защитой от подстрекательства, в нем определены шаги, которые позволят повысить уровень терпимости, сдержанности и уважения, а также усилить защиту религиозных меньшинств. Законы о богохульстве угрожают праву на свободу вероисповедания во многих уголках земного шара и часто имеют последствия, связанные с насилием. Разъяснение нормативных стандартов, создание судебных гарантий и установление внутренних и международных защитных мер могут, если они будут реализованы в духе Плана действий, положить конец дискриминационным методам в отношении меньшинств, улучшить ситуацию с правом на свободу вероисповедания, применить структуру прав человека в ответ на предъявляемые в течение десятилетия требования защиты религий, а также устранить социальные предрассудки и стереотипы.

Ева Бремс: План имеет большую ценность как часть общей системы борьбы с дискриминацией и для противодействия пропаганде ненависти. Однако, этот вид зако-

⁷ Совет по правам человек, Резолюция 16/18, *Борьба с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений*, документ ООН A/HRC/RES/16/18, 2011 г.

нодательства, особенно в области уголовного права, не имеет широкого применения и играет, скорее, символическую роль. Я думаю, что гораздо более важно уменьшить повседневную нетерпимость, которая выходит за пределы уголовного или гражданского законодательства. Дискриминация имеет особенно разрушительное действие на рабочем месте, в образовании и т. д., поскольку дискриминация в этих сферах жизни лишает людей возможности интегрироваться в общество и добиться высокого качества жизни. Борьба с повседневной нетерпимостью и дискриминацией требует сенсбилизации и социальных мер по повышению взаимопонимания и уважения. Для меня эта задача имеет больший приоритет, чем проблема пропаганды ненависти.

Equal Rights Trust: Существуют ли другие способы, посредством которых международное законодательство в области прав человека может и должно реагировать для борьбы с религиозной дискриминацией?

Ахмед Шахид: Я считаю, что международные стандарты четко сформулированы, от Всеобщей декларации прав человека до различных предметных договоров и от целого ряда общих теорий права до мягких норм и принципов. Помимо формулирования нормативных стандартов, Рабатский план действий демонстрирует практический подход, который может способствовать внедрению оперативных мер, необходимых для усиления конкретных аспектов дискуссии о свободе вероисповедания. Стратегии, правила и проекты, направленные на практическую реализацию права на свободу вероисповедания, должны поддерживать комплексные нормы, применимые к осуществлению всех прав человека: права на равенство и защиту от дискриминации, вовлеченность, прозрачность и эффективное средство правовой защиты.

Несмотря на прорыв, сделанный Резолюцией ООН 16/18, и практический подход, принятый в Рабатском плане действий, наблюдается нежелание сторон решать проблемы свободы вероисповедания на международном политическом уровне. Безусловно, очень разумно действовать осторожно в столь деликатной тематике, но, на мой взгляд, такие межправительственные форумы, как Организация Объединенных Наций, могут придать больше динамики дискуссиям, пропагандирующим терпимость, взаимное уважение и приверженность делу защиты прав человека. Конечно, для достижения межконфессионального согласия были проведены многочисленные инициативы и предприняты разнообразные шаги – от диалога между цивилизациями до региональных проектов. Но очевидно, что свобода вероисповедания, по моему мнению, – это та область, которая только выиграет от обсуждений и взаимного обмена идеями. В качестве альтернативы, можно разработать инициативу по общему правилу для тех, кто отстаивает более нетерпимую точку зрения. Например, одной из целей Universal Rights Group является стимулирование в политически нейтральном пространстве большей вовлеченности в диалоги о религии и правах человека для продвижения идеи универсальности прав человека.

Ева Бремс: Правозащитникам еще предстоит проделать большой объем работы для расширения возможностей в сообществах. В Бельгии наблюдается на удивление ма-

лое число судебных процессов против запретов ношения исламских религиозных символов и дискриминации мусульман в сфере труда; на самом деле, небольшое сообщество сикхов инициирует больше судебных тяжб, чем эта весьма важная мусульманская община.

Также многое предстоит сделать для изменения сознания, поскольку, в конечном счете, система прав человека станет устойчивой только тогда, когда повысится сознание, и люди поймут ее важность. Средства массовой информации также должны быть целенаправленными, особенно в части подачи меньшинств. На местном уровне, должны быть созданы возможности для того, чтобы люди видели результаты дискуссии между разными религиями. Например, большинство людей придерживается определенного мнения о месте ислама и мусульман в обществе, и о том, что они должны или не должны делать, при этом большинство людей не знают мусульман в своей повседневной жизни: у них нет друзей или коллег мусульман, и, следовательно, нет возможности встречаться и взаимодействовать с другими мусульманами. Я могла бы часами беседовать со своими студентами, рассказывая о случаях нарушения прав человека, законах и теории, но было бы гораздо эффективнее, если бы я познакомила их с одной из своих аспиранток, которая поделилась бы с ними своим опытом, и они бы поняли, насколько они на нее похожи. Необходимо больше поддержки подходов, которые меняют сознание и отношение.